

УДК:130.2

На правах рукописи

Сорокина Софья Александровна

**ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ
СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии**

**Санкт - Петербург
2005 г.**

Работа выполнена на кафедре этнокультурологии ИНС
Российского государственного педагогического университета имени А.И.
Герцена

Научный руководитель: Доктор философских наук,
профессор Чернякова Наталья Степановна

Официальные оппоненты: Доктор исторических наук, профессор
Окладникова Елена Алексеевна
Кандидат философских наук
Меньшиков Леонид Александрович

Ведущая организация: Российский Этнографический Музей

Защита состоится « 30 » июль 2005 года в 17 часов на
заседании диссертационного совета Д212.199.23 Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена по адресу: 197046, С.-
Петербург, ул. Малая Посадская 26, ауд. 304

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
Российского государственного педагогического университета им. А.И.
Герцена

Автореферат разослан « 14 » август 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат педагогических наук

С.Н. Токарев

2006-4
7213

2146819

Общая характеристика работы

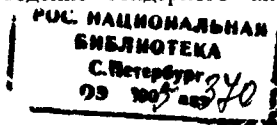
Актуальность темы

Дифференциация мужских и женских практик в традиционных культурах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока присутствует во всех сферах этнического бытия, является как основой, так и следствием многих культурных процессов, вот почему описание традиционной культуры предполагает включение в него знаний, основанных на специальном анализе деятельности носителей культуры того и другого пола. Комплекс исследуемых традиций следует рассматривать как традиции «мужской» и «женской» половины этноса. Однако важно не только изучить разницу опыта мужчин и женщин, но и выявить обусловившие ее обстоятельства и стереотипы, проанализировать характер взаимоотношений и существующую социальную иерархию полов в обществе. Решение этих задач делает актуальным гендерный подход к исследованию традиционных культур.

Гендерный порядок отражается в любом проявлении культуры, этническая культура в свою очередь выступает как основной канал репрезентации гендерных отношений. Гендерные различия конструируются в этнической общности через воздействие традиционных социокультурных установок, в рамках традиционной культуры создаются, осмысляются и распространяются образы гендерной реальности этноса. Пересечение проблемных полей и методологий гендерных и этнокультурологических исследований, таким образом, открывает путь к более глубокому постижению сущности традиционной культуры.

Помимо того, что изучение мужских и женских практик в обрядово-праздничной и обыденной деятельности, углубляя познание культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, является актуальным само по себе, полученная информация способствует также выяснению механизмов формирования гендерных стереотипов и функционирования системы гендерной стратификации в исследуемых обществах. Осуществление подобного анализа, расширяющего представления об особенностях социального устройства традиционных культур, свидетельствует об актуальности поставленной проблемы.

Одним из наиболее репрезентативных и интересных объектов для изучения гендерных особенностей дифференциации мужских и женских практик в традиционных культурах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока является шаманизм. Эта социально значимая сфера деятельности является общей для мужчин и женщин, кроме того, в ней четко проявляются гендерный порядок и стереотипы, существующие в обществе. Проблема гендерной специфики шаманизма в настоящее время стала особенно актуальной. Решение этой проблемы позволяет восполнить существующие пробелы в познании шаманизма, обусловленные отсутствием специальных исследований женского шаманства и его сравнительного анализа с мужским. Проведение гендерного анализа

выявляет сущность шаманизма как целостного явления, позволяющего судить о социальном положении мужчин и женщин в традиционных культурах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Феномен шаманизма не может быть охарактеризован до тех пор, пока не определена его специфика, зависящая от пола практикующего шамана. Анализ деталей женского шаманства, выяснение общего и особенного по отношению к шаманству мужскому, относятся к числу актуальных научных проблем, поскольку предоставляют возможность более полного описания этнической культуры и установления общих закономерностей гендерной стратификации в традиционных обществах.

Объект исследования: традиционные культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Предмет исследования: мужские и женские практики в культурах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Цель и задачи работы.

Основной целью диссертационной работы является исследование гендерных аспектов традиционных культур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие задачи:

- 1) Раскрыть содержание и перспективы гендерного подхода в этнокультурологическом познании;
- 2) Исследовать гендерную стратификацию в традиционных культурах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока;
- 3) Изучить формы символической репрезентации мужского и женского в данных культурах;
- 4) Выявить механизмы трансляции гендерных стереотипов в процессе формирования гендерной идентичности, в трудовой деятельности и в бытующих табу;
- 5) Рассмотреть особенности гендерной дифференциации в обрядах, праздниках и культах;
- 6) Проанализировать гендерные аспекты шаманизма народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Эмпирическая база.

Эмпирической базой диссертационной работы послужили материалы археологических, этнографических, лингвистических, религиоведческих исследований культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Для изучения гендерных особенностей традиционных обществ была использована информация по культуре тюркоязычных народов (алтайцы, телеуты, якуты, буряты), тунгусоязычных народов (эвенки, эвены, ороchi, нанайцы, негидальцы, ульчи), финно-угорских (ханты, манси, саамы, селькупы) и самодийских (ненцы, энцы, нганасаны) народов, палеоазиатских народов (нивхи, юкагиры, кеты, чукчи, коряки, ительмены). Ценные сведения о мужских и женских практиках были получены из фольклорных текстов, записок путешественников и миссионеров, отчетов участников экспедиций, организованных Императорским

Русским Географическим Обществом. В ходе проведения гендерного анализа шаманизма в качестве эмпирического материала были привлечены данные о женщинах-шаманках, представляющие практически все этнические группы коренных северных народов, поскольку материалы о женском шаманстве рассматриваемого региона носят фрагментарный, отрывочный характер и ни в одной из традиционных культур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока женское шаманство не было описано как система, во всех аспектах функционирования. Особое внимание уделено шаманизму Алтая, так как в культуре алтайских племен по сей день наблюдается живое бытование фольклора и религиозных традиций, в которых женское шаманство играет значительную роль. В связи с недостаточностью материала временные рамки исследования также довольно широки: от первых описаний шаманского культа, относящихся к средневековью до современных данных, касающихся поставленной проблемы. Названные обстоятельства обусловили выбор материала для гендерного анализа не только шаманизма, но и остальных аспектов традиционной культуры, которые рассматриваются на основе фактов, касающихся всех народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, концентрация на изучении культуры лишь одного из народов указанного региона не представляется целесообразной, поскольку для гендерных исследований приоритетно определение факторов, влияющих на взаимоотношения полов и их статус, а эти факторы резко выявляются при сравнении нескольких гендерных систем. Социальные аспекты пола, в отличие от биологических, варьируют от культуры к культуре, вместе с тем, традиции рассматриваемых народов являются близкими по многим параметрам, что позволяет в деталях описать механизмы гендерной стратификации. Таким образом, для данного исследования наиболее плодотворным является проведение кросскультурного анализа, что и определило выбор материала для эмпирической базы диссертационной работы.

Методология исследования.

Методологической основой диссертационного исследования является гендерный анализ. В работе использован обширный круг отечественной и зарубежной литературы, в которой изложены основные понятия и принципы гендерной теории. Вместе с тем, с целью анализа, систематизации и теоретического объяснения эмпирических данных наряду с гендерной методологией применялись методы историко-генетического, сравнительно-исторического и структурно-функционального анализа.

Гипотеза исследования.

Диссертационное исследование основано на предположении о том, что изучение дифференциации женских и мужских практик и анализ связанной с ней гендерной стратификации позволит объективно и всесторонне представить особенности традиционной культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Исследование мужских и женских практик в шаманизме даст наиболее наглядный материал для исследования гендерного порядка в этнической культуре.

Степень изученности проблемы.

Гендерные исследования в области этнологии и культурологии – новое и перспективное направление отечественной гуманитарии. Несмотря на то, что исследователи традиционных культур издавна имеют дело с проблемами половозрастной стратификации, российская наука в этой области делает первые шаги для осуществления целенаправленных исследований механизмов воспроизводства стереотипов полоролевого поведения, символов маскулинности и фемининности, нормативных представлений и ожиданий в сфере «мужской» и «женской» субкультур. На протяжении XIX и первой половины XX вв. внимание этнографов было обращено на сбор и анализ данных, позволяющих выявить бытовые формы полоролевой стратификации и ее символизации в традиционных культурах. Однако вплоть до 70-х гг. XX века отношения между полами не становились предметом специального научного анализа. Кроме того, традиционно выделяя и описывая женские и мужские роли и практики, российские этнографы и фольклористы в своих исследованиях принимали за аксиому установившуюся в современном обществе систему гендерной дихотомии. Таким образом, вопросы пола изучались, но не проблематизировались. Разделение и существование двух полов в культуре интерпретировалось как «естественное» природное явление, а не социальный феномен. В этот период даже в наиболее глубоких исследованиях традиционных культур задача выявления статуса полов, а также иерархии, связанной с особенностями женской и мужской деятельности не ставилась.

Между тем необходимость подобных исследований очевидна. В отличие от собственно социологических и политологических исследований гендерной проблематики, этнография испытывает острый недостаток в обобщении огромного массива эмпирической информации, накопленной в рамках традиционного для данной дисциплины изучения брачно-семейной обрядности, воспитания детей, бытовых взаимоотношений полов. Свидетельством актуальности сравнительно-исторического и кросс-культурного анализа соответствующей информации может служить сборник «Этнические стереотипы мужского и женского поведения» (Ред. А.К. Байбурин, И.С. Кон. СПб., 1991), содержащий работы этнологов и фольклористов по широкому кругу проблем половой дифференциации и ее отражения в культуре, и остающийся по сей день единственным изданием такого рода.

Возникновение и развитие гендерной теории побудило ученых к переосмыслению исторических и этнографических данных об отношениях полов, о женской культуре, о роли женщин в передаче этнокультурной информации в традиционных культурах, о чем свидетельствуют работы Е.В. Фадеевой, Т.В. Сергеевой, А.В. Смоляк, Е.Г. Федоровой, Е.С. Соболевой, С.Б. Рождественской, А.Н. Седловской, И.М. Семашко, Э.Э. Кибизовой, М. Рабжаевой, Е.А. Окладниковой. Отдельные вопросы статуса и положения женщины в традиционных культурах затрагивались этими авторами, однако всесторонний анализ гендерных особенностей мужских и женских практик в

обрядово-праздничной, бытовой сферах деятельности и в шаманизме у народов Севера, Сибири и Дальнего Востока до сих пор не проводился.

В отечественной этнографии накоплено достаточно информации как о мужской, так и о женской деятельности рядовых представителей этноса, данные же о мужчинах и женщинах, практикующих шаманство непропорциональны. Шаманизм всегда находился в центре внимания отечественных этнографов, однако несмотря на достаточное количество работ по этой теме, информация о женщинах шаманках встречается в литературе редко, эмпирические данные не систематизированы. Изучение женского шаманства осуществлялось такими выдающимися учеными, как А.Ф. Анисимов, А.В. Анохин, В.Г. Богораз, Н.П. Дыренкова, Д.К. Зеленин, С. Крашенинников, Г.В. Ксенофонов, И.А. Лопатин, В.М. Михайловский, П.Е. Островских, П.С. Паллас, Г.Н. Потанин, А.В. Потанина, Л.П.Потапов, В.Ф. Трощанский, С. Урсынович, В. Харузина, С.М. Широкогоров, А. Шишмарев, Л.Я. Штернберг, и др. Но в трудах этих исследователей женщины-шаманки лишь описываются, женское шаманство не анализируется как отдельный феномен.

Особого внимания заслуживает точка зрения В.Ф. Трощанского, который предположил, что женское шаманство древнее мужского и выдвинул гипотезу перехода от женского к мужскому шаманству через кузнечное ремесло. Прерогативу женщин в шаманстве чукчей подчеркивал В.Г. Богораз. Вклад в изучение женского шаманства внес Д.К. Зеленин, связавший генезис шаманского культа с архаичными формами семейного и женского шаманства.

В современных исследованиях вопрос о женском шаманстве затронул В.Н. Басилов при анализе казахской культуры. Сибирскому женскому шаманству посвятила статью В.П. Дьяконова, исследовавшая это явление в культуре алтайцев и подчеркнувшая высокий статус женщин-шаманок в обществе древних тюрков. Вопросы о роли шаманок в семейном, индивидуальном и профессиональном шаманстве народов Сибири коснулась Е.П. Батьянова, которая предположила, что представления о мужском приоритете в шаманстве являются следствием особенностей этнографической практики, объектом исследования которой становилась только мужская половина этноса. Е.П. Батьянова также отметила, что роль женщин в шаманизме северных народов была весьма существенна.

Несмотря на наличие работ, затрагивающих вопрос о женщинах-шаманках, проблема специфики женского шаманства и соотношения его с мужским никогда не формулировалась и не исследовалась. Изучение статуса женщин-шаманок до последнего времени не было включено в контекст исследования проблемы существования устойчивой дифференциации женского и мужского в шаманизме, а сам шаманизм как целостный феномен не становился до сих пор объектом системного гендерного анализа.

По мнению исследователей традиционных культур информация об этнических общностях и этнофорах чаще всего отождествляется со знаниями о деятельности и поведении мужчин, обычно занимающих привилегированное положение в

жизнедеятельности этнической общности и представляющих ее, как правило, официально в межэтнических отношениях. Попытки обобщить знания по этнической психологии всегда опираются на примеры поведения мужчин-этнофоров, тогда как данные о специфически женском опыте могут существенно изменить интерпретацию. Эти наблюдения справедливы и для этнических культур Севера, Сибири и Дальнего Востока. Так, большинство этнографических материалов о культовой практике представляют собой описания мужчин шаманов. Специфика женских ролей во всех сферах деятельности и их сопоставление с мужскими остается по-прежнему наименее изученной сферой этнокультурологических исследований.

В последнее время российская наука обогатилась рядом публикаций и исследований, развивающих гендерную проблематику в сфере этнографии, однако существует диспропорция между необходимостью подобных исследований и их количеством. Фольклористы, этнографы, социальные антропологи, культурологи неизбежно затрагивают вопросы гендерной дифференциации, проявляющейся на самых разных уровнях социальной жизни, включая язык, мифологические представления, структуру семьи, религиозные системы и т.п., но целенаправленная постановка задач, предполагающих изучение социально-исторических аспектов формирования и функционирования гендерной специфики остается пока нереализованной. Одной из причин, негативно сказывающейся на разработке гендерного подхода в области этнографии и культурологии, остается слабая разработанность как собственно понятийного, теоретического, так и методологического аппарата соответствующих исследований. Можно сказать, что научная дискуссия о гендерных исследованиях в отечественной этнологии и культурологии еще не состоялась.

Научная новизна.

В диссертации впервые поставлена и исследована с точки зрения гендерной теории проблема дифференциации мужских и женских практик в традиционных культурах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В новом для этнокультурологического познания гендерном аспекте рассмотрены обрядово-праздничная и бытовая сферы этнической культуры. При изучении обширных этнографических материалов выявлены формы символической репрезентации мужского и женского, определены гендерные нормы, стереотипы и их истоки, а так же механизмы формирования и трансляции гендерных стереотипов, охарактеризована система гендерной стратификации.

В ходе работы обнаружено и систематизировано большое количество материалов по женскому шаманству, на основе которых проведен гендерный анализ шаманского мировоззрения и практики. В результате впервые осуществленного специального исследования женского шаманства и его сравнительного анализа с шаманством мужским удалось достичь поставленной в диссертации цели и провести всесторонний гендерный анализ дифференциации мужских и женских практик, определить причины возникновения гендерных

стереотипов и то значение, которое им придается в традиционных культурах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Гендерный подход является перспективным методом исследования этнических культур.
2. При изучении традиционной культуры и религии необходимо учитывать присутствие женского фактора, включать данные о женщинах-этнофорах в анализ феноменов культуры и сопоставлять их с данными о мужской части населения.
3. Символическая репрезентация мужского и женского в культурах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока носит иерархический характер. Женское начало отождествляется с негативными в рамках данных традиций качественными характеристиками, а мужское -- с позитивными.
4. Гендерные стереотипы, транслируемые в процессах формирования гендерной идентичности, трудовой деятельности и закрепляемые табу, разводят сферы мужских и женских практик и предусматривают значительную активность и авторитет женщин в социуме.
5. Среди исследуемых народов широкое участие женщин в обрядово-праздничной деятельности определяет их высокий социальный статус, который зависел в том числе и от степени сохранения пережитков материнского рода в той или иной культуре.
6. Положение женщины в культуре синкретичного типа не может оцениваться однозначно. При низком статусе в мифологических представлениях женщина имеет довольно высокий статус в реальности.
7. Гендерный анализ шаманизма позволяет более глубоко и всесторонне охарактеризовать это явление. Шаманизм следует рассматривать состоящим из двух пластов -- мужского и женского, особенности которых дают объективную картину религиозного культа.
8. Женское шаманство древнее мужского, изначально шаманки имели высокий статус. В процессе эволюции шаманского мировоззрения появляется гендерная иерархия шаманов в разных зонах вселенной и запреты для женщин-шаманок. Гендерные стереотипы обусловили особенности профессиональной деятельности шаманов и шаманок.
9. Женское шаманство существует в своей сакральной сфере, имеет специфику в costume, атрибутике, функциях.
10. Особенности функционирования шаманов и шаманок не определяют их статус. Статус шамана зависел не от пола, а от его наследственности, возраста и опыта.

Научно-практическая значимость.

Полученные выводы могут представлять интерес для специалистов в области культурологии, этнологии, этнопсихологии, фольклористики, социологии, психологии; расширяют имеющиеся представления об особенностях гендерного порядка в традиционных обществах и могут быть использованы при разработке

теоретических проблем шаманизма, при написании трудов по истории Сибири и Дальнего Востока, для подготовки лекций и спецкурсов по этнологии, культурологии, теории гендера, а так же при дальнейшем исследовании традиционных культур.

Апробация.

Автором диссертации опубликовано 6 научных статей по исследуемой теме общим объемом 2 печатных листа. Материалы исследования обсуждались на кафедре этнокультурологии ИНС РГПУ им. А.И. Герцена. Основные положения диссертации были изложены в докладах и выступлениях на таких международных конференциях, как «Российская женщина и европейская культура», СПбГУ, 7-9 июня 2001г.; «Реальность этноса», РГПУ им. А.И. Герцена, 16-19 апреля 2001г.; 17-20 апреля 2002г.; 22-25 апреля 2005г.; на межвузовских конференциях молодых исследователей «Гендерные исследования как новое направление в современном обществознании», Северо-Западная Академия Государственной Службы, 16 мая 2001 г. и «Гендерные отношения в современном российском обществе», Северо-Западная Академия Государственной Службы, 23 мая 2002 г.; 2 октября 2003 г.; 22-23 октября 2004 г.

Структура исследования.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы по этнографии и гендерной теории (405 наименований). Общий объем работы составляет 291 стр.

Содержание диссертации

Во введении диссертации обосновывается актуальность темы, освещается степень ее изученности, определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи, указываются методология и научная новизна работы.

I глава диссертации «Гендерная теория в системе этнокультурологического познания» носит методологический характер и состоит из четырех параграфов.

В §1 «От культурной антропологии к теории гендера: этапы эволюции» рассматриваются ключевые моменты в развитии гендерной теории.

Автор диссертационной работы, проследивая этапы эволюции гендерных исследований, которая шла от женских исследований к собственно гендерным, особое внимание обращает на достижения в этой области американской культурной антропологии. В данном параграфе указаны основные этнокультурологические сборники и монографии, концепции и тезисы, повлиявшие на становление теории гендера. Анализ западных работ, посвященных взаимоотношению мужского и женского в культуре, с точки зрения автора, способствует пониманию того, что гендерная теория является необходимой для изучения традиционных обществ. Некоторые выводы американских антропологов по данной проблематике необходимо учитывать при исследовании гендерных отношений среди народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Например, перенос акцента с материальных, хозяйственно-экономических аспектов статуса на идеологические, когда особое значение для определения общественного положения женщин и мужчин придается анализу символики мифологических представлений и религиозных верований. Ценным является опыт западных ученых в проведении кросскультурных исследований, позволяющих выявить общие и особенные черты гендерных отношений в традиционных обществах, обнаружить закономерности, связанные с социальными ролями полов.

Автором подчеркивается значение антропологических исследований статуса женщин и стратификации полов для развития гендерной теории.

В §2 «Основные понятия и принципы гендерного анализа» определены понятийный аппарат и методология гендерных исследований. Уточняется содержание таких понятий, как гендерная идентичность, гендерная система, гендерная дифференциация, гендерная роль, гендерные стереотипы, гендерная стратификация, гендерные исследования.

В диссертационной работе подчеркнуто, что при употреблении понятия гендер рассматриваются не женщины и их проблемы, а взаимоотношения полов в рамках определенной исторической реальности и проблемы, вытекающие из этого сложного процесса. Гендер – совокупность социальных репрезентаций, а не природой закрепленная данность. Этот концепт, альтернативный понятию «пол» призван подчеркнуть социальный характер неравенства между полами. Воспроизводство социального порядка основано на гендерных различиях, которые в отличие от природных качеств пола варьируются от одного культурного пространства к другому.

Автор отмечает, что помимо биологического и социального аспектов в анализе проблем пола существует и третий, символический аспект. В человеческой ментальности мужское и женское существуют как элементы культурно-символических рядов, содержащих ценностные установки. В соответствии с ними все, определяемое как «мужское» или отождествляемое с ним, считается позитивным, значимым и доминирующим, а определяемое как «женское» – негативным, вторичным и субординируемым. Пол, таким образом, играет роль культурно-формирующего фактора. Эта закономерность имеет место в традиционных культурах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Гендер выступает и как модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, и как культурный символ.

В заключение затронута тема развития гендерной теории в России, указывается специфика отечественных исследований в области гендера.

В §3 «Гендерный подход к изучению этнической культуры» поднимается проблема релевантности западных концепций для российской этнокультурной реальности, оценивается применимость гендерной методологии к изучению традиционной культуры.

Автор диссертационного исследования полагает, что гендерная теория открывает новые возможности исторического познания и необходима для более

глубокого и многогранного понимания исторического процесса, так как гендер является культурным конструктом, изменяется вместе с культурой и включен в процесс развития менталитета и общества. Гендерный подход в этнографии расширяет поле исследовательских практик, позволяет изменить иерархический характер отношений между исследователем и информантом, способствует более глубокому пониманию человеческих обществ и контекста человеческих действий.

Описание традиционной культуры не будет полным без учета гендерного измерения этнического бытия. Традиции этноса гендерно дифференцированы и представляют собой совокупность мужских и женских практик, отражающих гендерные нормы и стереотипы. Подобный взгляд на традиционные общества, иерархизованные на основе взаимоотношений полов, открывает огромное исследовательское поле. Освещая неизведанные области этнической реальности, гендерный анализ является ценным методом для изучения традиционной культуры.

Сложность, с точки зрения автора, заключается в том, что гендерные отношения в каждой этнической культуре имеют особенности, вместе с тем отражая тенденции, общие для всего человечества. В отечественной науке ведется поиск соотношения западных гендерных изысканий с этнонациональной спецификой и возможности учета проявлений общих закономерностей в конкретной культуре.

В работе отмечается, что как этнические, так и гендерные исследования – междисциплинарная область научного поиска. Однако гендерный подход занимает значительно большее место в этнографии, чем в других исторических науках. Введение в системное изучение этноса среза гендерных отношений способствует детальному описанию его психологии и культуры.

По мнению автора диссертации, ценным источником для понимания гендерного порядка традиционных культур Севера, Сибири и Дальнего Востока является такой объект исследования, как шаманизм. Несмотря на значительное количество попыток дать научное определение сибирского шаманства, сформулировать его сущность, объяснить происхождение, ни одна из гипотез не рассматривала шаманство состоящим из двух пластов: мужского и женского. Сталкиваясь с этим явлением, этнографы ссылались на недостаток информации о нем.

В контексте культуры, предусматривающей противопоставление мужского и женского начал, неправомерно рассматривать женское шаманство как вариацию или исключение. Это самостоятельное явление и его специфику следует изучать наряду с мужским шаманством. Другими словами, необходимо исследовать шаманизм в гендерном аспекте. Гендерный подход к изучению этнической культуры позволяет представить шаманизм как целостное явление традиционной культуры. Этот феномен не может претендовать на полноту описания до тех пор, пока не определены его особенности, зависящие от пола шамана. Автор поясняет, что в условиях гендерной оценки объектом изучения являются не

просто мужчина и женщина, но шаман и шаманка, наделенные способностями, дозволенными и ограниченными данной культурой для данного пола.

Подытоживая параграф, автор приходит к убеждению, что проведение гендерного анализа является перспективным методом исследования культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Необходимость использования данной концепции в обсуждении вопросов традиционной культуры обусловлена тем, что гендер является одним из фундаментальных понятий общества и применяется при обсуждении социальных, культурных и психологических особенностей, позволяющих судить о нормах, стереотипах, ролях, считающихся типичными и желательными для женщин и мужчин в данной культуре. Инструментарий и методология гендерной теории позволяют по-новому проанализировать известные ранее феномены, переосмыслить понимание социальной организации соотношения полов.

В §4 освещена **«Проблема матриархата в контексте гендерных исследований традиционных культур»**.

Для анализа гендерной стратификации в культуре народов Севера, Сибири и Дальнего Востока автор считает необходимым определить позицию относительно таких понятий, как матриархат и патриархат и их соотношения в истории первобытного общества. Анализ истоков гендерной иерархии, гендерных стереотипов и норм невозможен без обращения к этой проблематике.

Несмотря на критику, которой подверглось понятие «матриархат» в значении преобладающего положения женщины в обществе, ученые пришли к выводу, что необходимость использовать данный термин в проводимых с позиций гендерного подхода исследованиях существует. Матриархат является удобной категорией для анализа общественных отношений, но каждый автор вкладывает в эту категорию некий собственный символический смысл.

Автором диссертационного исследования обосновано, что этнографические материалы, собранные среди коренного населения Севера, Сибири и Дальнего Востока, не могут быть проанализированы без обращения к терминологии, связанной с понятием материнского рода. В ряде традиций рассматриваемого региона наблюдается наличие пережитков матриархата. Большинство традиционных северных культур следует называть все-таки патриархатными.

В заключение первой главы автор диссертационного исследования выделяет те положения гендерной теории, которые считает значимыми для своего исследования:

- гендер понимается как альтернатива понятию «пол», так как воспроизводство социального порядка основано на различиях внебиологического характера;
- гендер является одним из базовых принципов социальной стратификации;
- гендерные исследования – это исследования норм, стереотипов и ролей, типичных и желательных для женщин и мужчин в культуре, а так же анализ всех форм взаимодействия и сосуществования полов в культуре;

– основой методологии гендерных исследований является не просто описание разницы в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин, но анализ власти и доминирования, утверждаемые в обществе через гендер;

– этот подход основан на идее о том, что важны не физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое общество придает этим различиям.

Для данной работы, по мнению автора, актуален главный вопрос гендерной методологии – определение ресурсов создания гендера, то есть анализ того, как институализируется «мужское» - «женское» качество общественных явлений.

Во II главе диссертации исследуется **«Гендерная стратификация в традиционных культурах Севера, Сибири и Дальнего Востока»**, то есть распределение статусов, связанных с полом и их иерархия в социуме. Эта цель была достигнута путем анализа символической репрезентации мужского и женского начал в системе бинарных оппозиций и пространстве жилища, изучения механизмов трансляции гендерных стереотипов в процессах формирования гендерной идентичности, трудовой деятельности, в бытующих табу, выявления гендерной дифференциации обрядности (свадебной, родильной и погребальной), праздников и культов. Глава содержит три параграфа.

В §1 **«Символическая репрезентация мужского и женского в традиционных культурах»** выявлены истоки гендерной иерархии в социуме. Гендерная специфика традиционных культур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока во многом связана с формами символической репрезентации мужского и женского, которые проявляются особенно отчетливо в системе бинарных оппозиций и в пространстве жилища.

В исследуемых культурах, по мнению автора диссертации, гендерная дихотомия проявлена наиболее ярко. Дифференциация и взаимодействие сфер мужского и женского лежит в основе мифологического мышления. На основе обширных этнографических материалов автор показывает, что дуалистическое мировоззрение северных народов включает систему бинарных оппозиций, семиотически распределяющую пространство между полами. Далеко не все мифологические представления построены на двоичных противопоставлениях. Однако в структуре данных воззрений можно косвенно выявить те характеристики и качества, которые приписываются тому или иному полу, а посредством этого определить гендерную иерархию и статусы в социальном пространстве. Автор приходит к выводу, что бинарные противопоставления создают культурную репрезентацию категорий женское и мужское, в результате чего женское начало воспринимает негативные в рамках данной традиции характеристики.

Эти представления переносятся на все сферы существования мужчин и женщин, объективируясь особенно отчетливо в гендерно дифференцированном пространстве жилища. Каждому из полов в доме отведено пространство, промаркированное предметами мужского и женского вещевого комплекса, существует четкая граница между мужской и женской половинами дома.

Мифологическое сознание определяло статусы полов посредством придания той или иной части жилища различных ценностных характеристик. Причем все, связанное с женским жизненным пространством, обладает более низким статусом, отрицательным «зарядом». Символические качества обеих частей жилища противоположны по значению: женское пространство мыслилось профанным, опасным, предназначалась для женщин и лиц с низким социальным статусом; мужское пространство наполнено священными предметами культа, здесь могли находиться только хозяин и гости.

Автор заключает, что символическая репрезентация мужского и женского в традициях народов Севера, Сибири и Дальнего Востока носит иерархический характер и свидетельствует об андроцентричном отклонении в культуре.

В §2 определены **«Механизмы формирования и трансляции гендерных стереотипов»** на основе изучения таких явлений, как формирование гендерной идентичности, трудовая деятельность и табу. Автор отмечает, что различия в поведении и восприятии мужчин и женщин определяются не столько их биологическими особенностями, сколько таким социальным фактором, как воспитание и распространенными в каждой культуре представлениями о сущности мужского и женского. Изучение факторов, определяющих гендерные различия в процессе формирования гендерной идентичности, является существенным для понимания механизмов трансляции гендерных стереотипов в традиционной культуре. Развитие поведения, соответствующего половой роли индивида, основано на восприятии культурных стереотипов, дети разного пола воспитываются в соответствии с определенной, узаконенной традициями схемой. У народов Севера, Сибири и Дальнего Востока по наблюдению автора существует развитая система женских и мужских ролей, сложные обряды и традиции обозначения мужского и женского, достаточно резко различаются психологические, мировоззренческие аспекты пола. В связи с этим мальчик и девочка с рождения попадают в ограниченное для каждого пространство, как в сакральной, так и в профанной сфере. Еще до полового созревания дети выполняли ряд запретов полового свойства, приобщались к мужской и женской роли в трудовой и обрядовой деятельности. Принадлежность к полу маркировалась различными знаками – от прически до оберегов. Автор приходит к выводу, что процесс включения индивида в принятую систему гендерной иерархии в исследуемых культурах носит сакрализованный характер.

В данном параграфе подчеркивается, что разделение труда по половому признаку является одним из ключевых показателей гендерной стратификации в культуре. На основе изучения многочисленных этнографических данных автор заключает, что в традиционных культурах Севера, Сибири и Дальнего Востока принято разделение труда по признаку пола, но экономические отношения между мужчинами и женщинами скорее можно назвать эгалитарными, так как в хозяйстве не существует частного и общественного секторов. Женская домашняя деятельность в северных условиях была трудоемкой и равноценной мужской с точки зрения пользы. Женщины принимали участие в социально значимой

деятельности (обмен, шаманство), а у некоторых народов занимались мужскими видами труда (охотились с мужьями у эвенков). Занятия, традиционно считающиеся мужскими, могли быть исключительно женскими (например, рыболовство у нанайцев). Мужчины, в свою очередь принимали участие в домашних делах, брали на себя воспитание мальчиков. Таким образом, гендерные стереотипы в области трудовой деятельности у народов Севера, Сибири и Дальнего Востока не являются конструирующим фактором гендерной иерархии и предусматривают довольно активную позицию и высокий статус женщин в обществе.

Деятельность мужчин и женщин, отношения между полами и внутри общины у народов Севера, Сибири и Дальнего Востока регулируются табу. Бытующие запреты для женщин можно разделить на две группы: те, которые защищали коллектив от вредоносного влияния женского начала, и те, которые носили охранительный характер для самой женщины. Табу для женщин в эмоциональной сфере (запреты на проявление эмоций в определенные моменты) подчеркивают их сакральное могущество. Некоторые запреты, ограничивающие женщину, при ближайшем рассмотрении оказываются не субординационными, а предохраняющими от негативных влияний. Определенные табу в общении с родственниками (так называемые «психические» запреты) существовали как для женщин, так и для мужчин. Мужчины соблюдали запреты по отношению к огню-очагу.

Тот факт, что поведение женщины было окружено большим количеством табу, свидетельствует лишь о признании ее магической силы в традиционном мировоззрении. Многие табу, тем не менее, основаны на гендерных стереотипах (связанных с представлением о сакральной «нечистоте» женщины и ее принадлежности к чуждому роду) и являются причиной того, что ее статус во многом уступает статусу мужчины.

На основе данных наблюдений автор приходит к выводу, что гендерные стереотипы содержат неоднозначные представления о моделях поведения и чертах характера мужчин и женщин, поэтому относительно традиционных культур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока говорить о гендерной асимметрии неправомерно.

В §3 «Гендерная дифференциация обрядности, праздников и культов» рассматриваются роли, статусы, степень участия мужчин и женщин в свадебных, родильных и погребальных обрядах, причины существования и содержание женских и мужских праздников и культов.

Автором диссертационной работы отмечается, что гендерный порядок в традиционных обществах Севера, Сибири и Дальнего Востока особенно четко проявляется в переломные, рубежные периоды жизни человека, озаглавленные особыми обрядами, которые и были проанализированы в данной главе. Например, свадебный обряд, переводящий юношу и девушку в другой социальный статус, определяет на сакральном уровне их приобщение к той или иной гендерной роли.

Анализ семейной обрядности дает основания полагать, что степень участия мужчин и женщин в делах общины и их статус обусловлены характером социального устройства в конкретной культуре. В традициях, сохранивших архаичные черты материнского рода, женщины имеют высокий статус в обыденной и обрядовой деятельности. Для культур с патрилинейным родством свойственна удаленность женщин от важных событий в общине. Тем не менее, женщины играли значительную роль в обрядах семейного цикла у всех изучаемых народов.

В ходе исследования установлен утилитарный характер отношения к браку, который имел целью продолжение рода и приток новой рабочей силы. Это обусловлено социальным устройством и экстремальными условиями жизни исследуемых народов. Женская часть населения была объектом всевозможных сделок посредством браков, о чем говорит, например, обычай обмена женщинами. Но в подчиненном положении оказывались только девушки и девочки, старшие женщины пользовались авторитетом, в том числе и в матримониальных вопросах.

Во время свадебных торжеств роли мужчин и женщин были строго дифференцированы. В патриархальных культурах вопросы брака решал отец (тунгусоязычные, тюркоязычные народы), в традициях с пережитками материнского рода – мать (палеоазиаты, тунгусоязычные народы Нижнего Амура). Многие обряды на свадьбе проводились с помощью старых женщин в обоих случаях. Особое внимание на свадьбе уделялось поведению невесты, на девушку общество возлагало ответственность за благополучие семьи. Равная ценность калыма и приданого, тот факт, что приданое оставалось в молодой семье (то есть весь предметный мир, а часто и сам дом принадлежал женщине) – все это предполагало отсутствие иерархии в отношении супругов.

Родильная обрядность имела целью не только предохранить семью от вредоносного влияния женщины, усиливающегося во время беременности, но и предотвратить негативный исход для нее самой. Специальные обычаи и обряды, совершаемые женщиной и ее родственниками, соблюдались из гигиенических соображений, а так же охраняли роженицу от воздействия злых духов. С родами статус женщины возрастал, бездетность, вина за которую возлагалась на женщину, напротив, снижала его.

В погребальной обрядности женщины соблюдали ряд особых запретов, имеющих охранительное значение. У одних народов погребальные обряды проводились только мужчинами (Южная Сибирь), у других – преимущественно женщинами (Западная Сибирь). В традиционном мировоззрении гендерный порядок переносился на загробный мир: высокий статус в мире предков имели многодетные матери и удачливые охотники. Мужские и женские захоронения отличались лишь содержимым погребального инвентаря. У ряда народов (некоторые группы эвенков) тип женских погребений был иным, чем мужской и подчеркивал низкий социальный статус покойных.

В ходе исследования установлено, что дифференциация мужских и женских праздников и культов обусловлена особенностями хозяйственной деятельности и физиологии носителей культуры разного пола, а так же гендерными стереотипами, соотносящими мужское начало с небом, а женское с землей. У народов Севера, Сибири и Дальнего Востока промысловые культы, умилоствление небесных божеств – мужская сфера религиозной деятельности; женщины поклонялись богиням плодородия и покровительницам детей. В культурах с пережитками материнского рода женщины принимали активное участие в промысловых культах (чукчи, коряки). Автор диссертационного исследования полагает, что существование отдельно мужских и женских праздников и культов свидетельствует о значимости для культуры как мужской, так и женской духовной практики.

На основе гендерного анализа мужских и женских практик автор предполагает, что существование мужского и женского пространства в жилище, мужских и женских видов труда, праздников, культов и табу у народов Севера, Сибири и Дальнего Востока свидетельствует о стремлении дифференцировать пространство культуры между полами, подчеркнуть и закрепить различия мужчин и женщин в традиционном мировоззрении. Одновременно это говорит о том, что в этнической культуре важное значение придается духовному и практическому опыту обоих полов, разведение сфер жизнедеятельности мужчин и женщин (в сакральном и профанном мирах) способствует благополучию и целостности коллектива.

Автор диссертационного исследования приходит к заключению, что первобытно-синкретичный тип культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока предопределяет неоднозначную оценку сущности женщины, нерасчлененность взаимоисключающих характеристик женского начала. Негативные качества в системе бинарных оппозиций, физиологическое отличие от мужчины и принадлежность к чужому роду придавали женщине низкий статус в сфере сакрального, в реальности же он был гораздо выше, женщины принимали активное участие и имели авторитет как в обрядовой, так и повседневной деятельности. Мифологическое сознание закрепило за женщиной статус вредоносного, профанного, но вместе с тем, магически сильного существа, о чем свидетельствует существование института женского шаманства. Шаманский канон не исключал женщин из практики, напротив, шаманки играли немаловажную роль в жизни коллектива.

В III главе «Гендерные аспекты шаманизма народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» автор диссертационного исследования в четырех параграфах не только описывает различия мужского и женского шаманства во всех аспектах функционирования, но выясняет происхождение этих различий и то значение, которое придается им в культуре.

В §1 третьей главы поставлена задача провести «Гендерный анализ генезиса и эволюции феномена шаманства». Объективная оценка соотношения мужского и женского шаманства у народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

основывается на изучении процесса появления и трансформации гендерной иерархии в шаманизме в ходе эволюции этого феномена.

По мнению автора исследования, женское шаманство сыграло немаловажную роль в появлении и развитии изучаемого явления. В древности шаманили только женщины, шаманки имели высокий социальный статус. Об этом свидетельствуют фольклорные, письменные, археологические источники, лингвистический анализ шаманской терминологии, а так же исследование шаманизма в его семейной, индивидуальной и профессиональной форме.

Автор выявляет причины трансформации системы гендерной иерархии в шаманизме. Переход от женского шаманства к мужскому произошел, по одной из гипотез, через слияние кузнечного ремесла с шаманским искусством. Важным фактором являлось укрепление отцовского рода: утрачивая главенствующую роль в социальных делах, женщина уступала место мужчинам и в шаманизме. Шаманизм воспринял в себя древнее дуалистическое мировоззрение, развитие которого с точки зрения автора стало одной из причин гендерной дихотомии в этом социально-религиозном институте. Деление вселенной на небесную и подземную зоны охватывало весь окружающий мир и человеческий коллектив. Две сферы – мужская и женская – накладываются на дуальные представления о космосе, в результате чего каждый из полов ассоциируется со своей сакральной зоной.

Несмотря на появление мужчин-шаманов, женщины-шаманки не были отстранены от шаманской практики и не потеряли своего высокого статуса. В ходе исследования автор выясняет, что в семейном шаманстве преобладали женщины. Мужской приоритет в индивидуальном шаманстве объясняется тем, что мужское шаманство было на виду, а женское оставалось скрытым от исследователей. В профессиональном шаманстве главенствуют мужчины. Оно было распространено на территории Южной Сибири, где шаманство являлось видом общественной деятельности, участие женщин в которой было ограничено. Шаманы считались служителями более высокого ранга, чем шаманки, что было связано с господством патрилинейного рода. Тем не менее, роль женщины в шаманстве южносибирских народов была весьма существенна.

В процессе эволюции феномена шаманства сложилось мировоззрение, определяющее роль шаманов и шаманок в культовой практике.

Во §2 третьей главы «Гендерные аспекты шаманского мировоззрения» рассматриваются гендерные нормы, иерархия и стереотипы, проявленные в феномене шаманства. Исследуется, каким образом отражены гендерные стереотипы в таких элементах шаманизма, как генеалогия, избранничество, становление шаманов, шаманский травестизм. Определена специфика мужских и женских шаманских духов, выявлена значимость шаманской практики мужчин и женщин для коллектива на основе характеристики доступных им сакральных сфер. Поиск истоков гендерных стереотипов, существующих в шаманизме необходим для выяснения того, каким образом и по какой причине изменялся статус женщин шаманок в процессе развития шаманского мировоззрения.

В ходе исследования автором установлены гендерные стереотипы, влияющие на дифференциацию сакральных сфер между шаманами и шаманками. Они выражены в мифологическом представлении об Отце-небе и Матери-земле. Закреплению нижнего мира за женщинами-шаманками, а верхнего – за шаманами способствовали представления, соотносящие землю с женским началом, а небо – с мужским.

Автор диссертационного исследования приходит к заключению, что гендерные стереотипы, сложившиеся в традиции, обусловили существование запретов для шаманок. Женщины, хотя и могли достигнуть профессиональных высот в шаманизме, были ограничены своей сакральной зоной. Символические репрезентации категории женское сообщают шаманке свойства нижнего мира и привязывают ее деятельность к этой космической сфере. Встречаются исключения.

В работе определены причины представлений о вредности женского начала в шаманском мировоззрении и их отражение на деятельности шаманок. Физиология и родовая принадлежность обусловили низкий статус женщины в обыденной жизни, эти же факторы являются негативными для шаманской деятельности. Считается, что все, связанное с половой жизнью женщины, разрушительно влияет на магические способности шаманов и шаманок. Но имеются и противоположные представления, согласно которым воображаемые роды являлись символической инициацией шамана-мужчины (якуты). Зависимость силы женщины-шаманки от ее репродуктивных способностей является спорным вопросом, на этот счет встречаются разноречивые факты. Шаманы – и мужчины и женщины – обычно имеют детей.

Генеалогия шаманов, с точки зрения автора, не имеет гендерной специфики. В шаманском мировоззрении исследованных народов не наблюдается особенностей родословной женского шаманства, передача шаманского дара мужчинам и женщинам не имеет отличий.

Автор исследования, опираясь на значительное количество этнографических данных, утверждает, что согласно шаманскому мировоззрению женщины имеют большие способности к шаманству. Это отражено в институте избранничества. Представления народов Севера, Сибири и Дальнего Востока о необходимых шаману внутренних качествах («культ сумасшествия») в совокупности с общепризнанной склонностью женщин этого региона к нервным заболеваниям, приводят к выводу о склонности к шаманскому избранию именно женщин. Идея сексуального избранничества шамана духами, распространенная среди сибирских шаманистов, так же свидетельствует о большей предрасположенности к шаманству женщин, так как это представление восходит к тотемическим мифам эпохи материнского рода, для которых характерен образ звериного мужа.

В системе шаманского мировоззрения автор рассматривает такое явление, как шаманский травестизм, анализ которого, по мнению автора, может пролить свет на генезис шаманства, его гендерные аспекты и специфику социального конструирования полов в традиционных культурах Севера, Сибири и Дальнего

Востока. Случаи изменения пола свидетельствует о гибкости рассматриваемой гендерной системы, позволяющей индивидам трансформировать свой пол (гендер).

Автор диссертационного исследования анализирует шаманское мировоззрение с точки зрения специфики взаимодействия духов с шаманами и шаманками. Связь с духами того или иного мира определяла доступность разных сакральных зон, возможности шамана. От категории духов зависели его функции, одежда, набор атрибутов. В этнографической литературе распространено мнение, что женщинам запрещалось камлать в верхний мир «светлых» духов. Это объясняется родовой принадлежностью, сакральной нечистотой, физической слабостью женщин (алтайцы). Но есть данные о том, что женщины камлали к небесным духам и достигали высших шаманских категорий (энцы, телеуты, нганасаны).

Описание доступных шаманам и шаманкам зон вселенной и главных духов верхнего и нижнего миров, по мнению автора исследования, характеризует их профессиональные возможности и статус. Иерархия шаманов разного пола в сакральном пространстве предопределяет специфику их функционирования, которое напрямую связано с гендерными стереотипами традиционной культуры.

Автор диссертационной работы выясняет, что персонажи небесной сферы у народов Южной Сибири расположены к простым смертным и к шаманам, помогают им. Камлания духам нижнего мира отличались от камланий доброжелательным божествам небесного происхождения: дорога в подземное царство была наиболее мрачной и трудной, персонажи этой зоны играли отрицательную роль в культовой практике шаманов.

Немаловажным автору исследования представляется тот факт, что у алтайцев весь окружающий мир и шаманство тесно связаны с главой нижнего мира. Близость женщин к подземной зоне вселенной, камлание шаманок исключительно к духам нижней сакральной зоны свидетельствуют о значительной роли женщин-шаманок в духовной жизни народа и в его хозяйственной деятельности, зависящей в традиционном мировоззрении от влияния вредоносных сил.

В §3 третьей главы исследуются «Гендерные аспекты шаманского снаряжения и практику», с целью чего рассмотрены гендерные особенности семантики костюма и бубнов, взаимосвязь шаманского снаряжения и особенностей профессиональной деятельности шаманов и шаманок; в гендерном аспекте рассмотрены проблемы черного и белого шаманства, проведен гендерный анализ шаманских функций.

Автор заключает, что принципиальных – в покрое, цветовых сочетаниях, семантике – различий мужского и женского костюмов нет, но последние у большинства народов не имели атрибутов верхнего мира. Только у некоторых групп нанайцев имеет место ритуальная инверсия: женский костюм наполнен символами верхнего, а мужской – нижнего миров.

Существовали и сугубо женские детали костюма, несущие охранительную функцию. Костюм шаманок обильнее орнаментирован, что свидетельствует о необходимости большего покровительства духов. Разница в количестве изображенных, а, следовательно, подвластных шаману духов-помощников, может говорить о могуществе шамана и его опыте.

Снаряжение для камланий в нижний мир отличалось от остальных костюмов воинственной символикой. Это обусловлено трудностью пути шамана, камлающего зловредным духам. По мнению автора диссертационной работы женщины, имеющие дело в основном с этой сферой мироздания должны быть более сильными шаманами, чем коллеги-мужчины.

Изучая информацию о женском шаманском костюме алтайцев для камланий в нижний мир, автор приходит к выводу, что существует зависимость типа костюма от разделения женской и мужской шаманских функций. Необходимость специального костюма для шаманок демонстрирует особое отношение к физиологии женщины, отражающееся и на ее магическом статусе. Существование особого костюма для женщин-шаманок позволяет судить не только о влиянии этнических гендерных стереотипов на шаманское мировоззрение, но и о статусе шаманок, который определялся характером их профессиональной деятельности, связанной с нижним, опасным миром, умиротствление персонажей которого было важно для коллектива.

Иной статус имеют женщины среди энецких шаманистов, где сильные, опытные шаманки имели полный костюм. Такое снаряжение наполнено символами как верхнего, так и нижнего миров, что свидетельствует о компетенции шаманок при камлании в обе зоны вселенной.

Некоторые детали шаманского костюма указывают на то, что шаманство своими корнями восходит к материнскому роду. У алтайцев это культовые предметы, связанные с предками-шаманками – куколки эменгедеры и их маленькие деревянные бубны.

Анализ семантики элементов шаманского костюма позволяет предположить, что в древности камлание происходило лишь в сфере нижнего мира за неимением представлений о верхнем, имел место синкретизм космических зон. На основании этого автор заключает, что ритуальные запреты для шаманок являются поздним введением в институте шаманизма.

Шаманское мировоззрение отражено в символике бубнов, гендерный анализ которой, по мнению автора работы, способствует определению социальной роли женщин-шаманок, освещает причины возникновения гендерных стереотипов и гендерной иерархии в сакральных зонах. Фиксируя так же, как и костюм, ритуальный потенциал шамана, устройство бубна отражает особенности женского и мужского шаманства.

Рисунки и детали бубнов часто рассматриваются как символы мужского начала – лук, панцирь, но синкретизм первобытной культуры не допускает единого толкования: бубен представляет собой и средство передвижения, и место сбора духов-покровителей.

Семантика изображений на ритуальных атрибутах является признаком той или иной компетенции шамана. Автор в ходе исследования устанавливает, что у многих народов на бубнах шаманок нет изображения верхнего мира, так как они не могли совершать камлание к небожителям. Но существуют и обратные примеры. В материалах по шаманству алтайцев есть свидетельства того, что женщины могли камлать в верхний мир и обладали бубном самой высшей категории под названием барс (марс). Его рукоятка, имеющая зооморфный образ, стадиально древнее антропоморфных рукояток других категорий бубнов. Этот бубен имел самый широкий сакральный диапазон, позволяющий шаману камлать во всех сферах. Данная информация еще раз подтверждает версию о том, что первоначально шаманам, вне зависимости от пола, были доступны все зоны вселенной. Постепенно произошла дифференциация сакральных сфер, появились разные категории шаманов, запреты для женщин-шаманок.

О том же свидетельствует отождествление бубна с животными верхнего или нижнего миров в культуре алтайских народов, означающее, для путешествия в какую зону вселенной он служит. Бубен теленгитских шаманок, предназначенный для камлания в нижний мир, имеет древнюю семантику верблюда (оленья) -- животных нижнего мира. Представления о коне, как животном верхнего мира, и само понятие верхнего мира, по-видимому, появились позже, как и мужское шаманство.

Энецкие шаманы высшей категории имели два бубна – для верхнего и нижнего миров – и могли камлать во все зоны вселенной, вне зависимости от пола. Такими шаманами «светлых» миров могли быть и женщины. Это еще один пример того, что для шаманок не было профессиональных ограничений.

У кетских шаманов высшей категории, камлавших только в верхний мир, бубен не был необходимой принадлежностью. Автор предполагает, что кетское камлание без бубна является более поздней формой шаманства, что означает вторичность шаманов «светлых» миров.

В архаичном шаманстве коряков женщины-шаманки камлали не с бубном, в отличие от мужчин-шаманов, а с «колдовским камнем». Они принимали участие и в излечении больных, и в похоронах умерших наряду с шаманами, но используя свою атрибутику. Исключительно женскими шаманскими атрибутами у всех сибирских народов являлись швейные принадлежности. Женщина не мыслилась без этих предметов, ей клали их и в могилу.

О «матрилинейности» бубна в прошлом свидетельствует южносибирский материал. Качинцы и тувинцы получали дар и бубен по материнской линии. Рукоятка бубна изображала женского предка, осмыслялась как женское божество. В изготовлении бубна у алтайцев участие родни матери считалось обязательным. Это обстоятельство, с точки зрения автора диссертации, имеет корни в эпохе господства материнского рода и свидетельствует об изначально женском характере шаманского культа, когда бубен шаманке делали члены ее рода. Кетские шаманские атрибуты ассоциируются с земными божествами, с

женским началом. Бубен кетов и селькупов терминологически связан с женским шаманским атрибутом – варганом.

В свете гендерного анализа семантики бубнов представляется достоверной гипотеза, согласно которой категория шаманов, камлавших «светлым, небесным» божествам выделилась из общей основы под влиянием внешнеисторических условий и, создав свою мифологическую систему и атрибутику, породила представления об иерархии сакральных сфер. В результате появилась иерархия шаманских категорий и женщины-шаманки, следуя традиционным стереотипам, были оттеснены в «нижнюю» сферу вселенной, утратив свой высокий статус.

С точки зрения автора диссертационного исследования, гендерные стереотипы шаманского мировоззрения обусловили особенности профессиональной деятельности шаманов и шаманок. Дифференциация сакральных сфер определяет наличие шаманских категорий, связанных с полом шамана.

Автор считает необходимым рассмотреть в гендерном аспекте традицию черного и белого шаманства, так как в мировоззрении исследуемых народов женское начало соотносится с нижним, темным миром, мужское - с верхним, светлым, что и обусловило специфику мужского и женского шаманства. Материалы по этой проблеме дополняют информацию об эволюции шаманства и предположения о причинах возникновения гендерной иерархии в шаманизме.

Черное и белое шаманство – явление, свойственное не всем исследуемым народам. Такая иерархия среди шаманов возникает в тех культурах, которые создали развитый пантеон божеств с четким представлением о нижнем и верхнем мирах и их верховных духах. Слияние буддийского ада с представлением о нижнем мире у народов Южной Сибири, по мнению некоторых исследователей, раскрывает механизм разделения шаманов на белых и черных и выделения черного шаманства из общей основы.

Опираясь на этнографические источники, автор диссертации делает тот же вывод об изначальном синкретизме космических сфер, но путь поляризации шаманских категорий представляется иным: в древности все шаманы камлали духам нижнего мира, а ограничения в доступе к этой сакральной зоне впоследствии получили белые шаманы. Это предположение подтверждается следующей информацией: и черным и белым шаманам запрещено присутствовать на молениях небу, т.к. все шаманы в древности были черными; белые шаманы не могли камлать персонажам подземного мира и не имели специального костюма для камланий в нижний мир; черным шаманам доступны все зоны вселенной; тюркоязычные народы называли шаманизм черной верой, а бурханизм белой; представления о верхнем мире по сравнению с нижним разработаны слабо; первое камлание молодого шамана посвящено темным духам; все жертвоприношения в шаманской практике изначально черного цвета.

Сведения о том, могла ли женщина у тюркоязычных народов быть белой шаманкой разнятся. У бурят женщины бывают белыми и черными шаманками. Якуты белых шаманок допускали только теоретически. У алтайцев все шаманки

были черными. Сильные шаманки, которым были доступны верхние миры, отмечены у телеутов, но они камлали и духам нижнего мира.

Возникновение дифференциации сакральных сфер и запретов для женщин-шаманок в ходе развития шаманского мировоззрения иллюстрирует процесс обучения молодых шаманов у алтайцев, во время которого женщины участвовали только в первом этапе, посвященном знакомству с дорогой в нижний мир и исключались из второго, связанного с верхним миром.

Сибирское шаманство в целом неоднородно по степени развитости, категориям, костюму, атрибутике. Отсутствие шаманских категорий у некоторых народов связано с отсутствием четкого деления на земных, небесных и подземных духов (энцы, ненцы, селькупы, ханты, нганасаны). Это представления считаются древнейшими. Автор диссертационного исследования предполагает, что в процессе складывания иерархического пантеона появляется иерархия среди шаманов, для шаманок вводятся ограничения. С делением духов на верхних, земных и нижних появляются и категории шаманов, связанных с определенными сферами. Выделяется категория белых шаманов, в основном мужчин, и связано это с социальными изменениями в обществе – переходом от материнского рода к отцовскому. Камлание темным божествам представляется более ранним явлением шаманизма, чем развитая иерархия духов и шаманов. Со временем под влиянием более южных соседей, а в некоторых случаях и под влиянием мировых религий, более высоких рангов начинают достигать шаманы, камлающие в верхний мир, в то время как низшие категории связываются со злыми духами подземной сферы.

Автор заключает, что функции шаманов и шаманок имеют различия, обусловленные дифференциацией сакральных сфер между разными категориями шаманов и гендерными стереотипами шаманского мировоззрения. Проблемы, связанные с духами нижнего мира качественно разрешались шаманками, обряды для верхнего мира были прерогативой шаманов. В лечении болезней, связанных в мифологическом сознании с духами нижнего мира, предпочтение отдавалось шаманкам. Кроме того, женщины более склонны к нервным заболеваниям, то есть в представлении первобытных народов безболезненно воспринимают в себя духов. Учитывая, что мифологической основой шаманства является воззрение на болезнь как вселение в человека злого духа, женщины являются лучшими лекарями, чем мужчины.

Остальные потребности первобытного коллектива, такие, как ворожба, предсказание, гадание, по воззрениям некоторых народов также удачнее удовлетворяли женщины.

У народов Севера, Сибири и Дальнего Востока существовали запреты для женщин на проведение некоторых ритуалов. Они напрямую связаны с существованием гендерной иерархии, ограничением доступных шаманкам сфер в шаманском мировоззрении. У большинства шаманистов женщины не могли справлять большие поминки. Обряд проводов души выполняли исключительно мужчины-шаманы.

Обнаруженные причины различий в профессиональной деятельности шаманов и шаманок можно обобщить следующим образом. Мужское шаманство, появившееся позже женского, с развитием представлений о верхнем, светлом мире благожелательных божеств, больше имеет дело именно с этой сакральной сферой, а женщины, в силу сложившихся гендерных стереотипов, принимают в ведение сакральную сферу с характеристиками нижняя, подземная, темная, вредоносная. В результате между шаманами и шаманками происходит дифференциация функций: деятельность женщин-шаманок связана с вредоносными духами; обряды умиловления божеств верхнего мира проводят только мужчины, их обязанностью являются и проводы души в загробный мир.

Дифференциация функций между шаманами и шаманками с точки зрения автора исследования не определяла их статус. Нижний мир, населенный опасными существами и вредоносными духами, был в традиционном сознании ближе к миру людей и имел большее влияние на него. Следовательно, шаманки играли не меньшую роль в благополучии коллектива, чем мужчины-шаманы. Статус шамана зависел не от пола, а от его наследственности и силы, количества духов-помощников, а зачастую от возраста и опыта.

В работе подчеркивается, что предельно четкого разделения сфер между шаманами и шаманками, в силу синкретизма рассматриваемых культур, быть не может.

Профессиональное могущество шаманов, по мнению автора, обусловлено, помимо всего прочего, половой принадлежностью. Возможности шаманок в мировоззрении народов Севера, Сибири и Дальнего Востока не всегда уступают мужским, несмотря на гендерные стереотипы традиционной культуры. Прослеживается закономерность: могущество женщин-шаманок признавалось в тех культурах, где сохранились черты материнского рода и где статус женщин был в целом высок. Пережитки материнского рода обнаруживаются у юкагиров, нганасан, энцев, манси и др. У перечисленных народов шаманки имели довольно высокий статус, могли достигать высших категорий и камлать во всех зонах вселенной. Архаичные черты культуры палеоазиатских народов – чукчей, коряков, ительменов – обусловили доминирование в их шаманстве женщин. В традициях народов Нижнего Амура так же встречаются пережитки материнского рода и высокий авторитет шаманок (орочи). В культурах с ярко выраженным патриархальным характером женщины ограничены в шаманских функциях (эвенки, якуты, алтайцы, ханты, кеты, нивхи и др.)

Подводя итог, автор заключает, что гендерный порядок традиционной культуры своеобразно проявлен в шаманизме. Допуск женщин к этой социально значимой профессии свидетельствует о гендерной симметрии в общественном сознании, но и в этой сфере деятельности проявляются этнические гендерные стереотипы. Тем не менее, женское шаманство – такое же значимое для традиционной культуры явление, как и мужское. Оно имеет специфические черты, существует в своей сакральной сфере, отличается от мужского в costume, атрибутах, функциях.

В заключении подводятся итоги исследования, излагаются выводы диссертации, ее научно-практическая значимость, намечаются перспективы дальнейшей научной работы. Основной вывод диссертационного исследования заключается в том, что положение женщины в традиционных культурах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока не может оцениваться однозначно, поскольку статус, связанный с символической репрезентацией женского начала не совпадает со статусом женщины как в обрядово-праздничной, так и бытовой сферах деятельности. Негативные качества в системе бинарных оппозиций, физиологическое отличие от мужчины и принадлежность к чужому роду сообщали женщине низкий статус в сакральной сфере, в реальности же он был гораздо выше. Мифологическое сознание закрепило за женщиной статус вредоносного, профанного, но вместе с тем, магически сильного существа, о чем свидетельствует существование института женского шаманства. Нерасчлененность взаимоисключающих характеристик женского начала в мировоззрении изучаемых народов обусловлена такой типологической характеристикой первобытной культуры, как синкретизм.

Основные положения диссертационного исследования представлены в следующих публикациях общим объемом 2 печатных листа:

1) Сорокина С.А. Феномен женского шаманства в традиционной культуре народов Севера // Материалы докладов Международной научно-практической конференции «Реальность этноса». – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – с. 280-282. (0,1 п.л.)

2) Сорокина С.А. К методологии гендерных исследований // Материалы докладов Международной научно-практической конференции «Реальность этноса». – СПб.: Астерион, 2002. – с. 566-567. (0,16 п.л.)

3) Сорокина С.А. Генезис сибирского шаманства (гендерный аспект) // Материалы II межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные отношения в современном российском обществе». – СПб.: Алетейя, 2002. – с.185-190. (0,32 п.л.)

4) Сорокина С.А. Гендерный анализ бинарных оппозиций (на материалах традиционных культур Севера, Сибири и Дальнего Востока) // Вариации на тему гендера. Материалы III межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные отношения в современном российском обществе». – СПб.: Алетейя, 2004. – с. 186-199. (0,79 п.л.)

5) Сорокина С.А. Роль антропологии в развитии теории гендера // Материалы докладов Международной научно-практической конференции «Реальность этноса». – СПб.: Астерион, 2005. – с. 508-510. (0,24 п.л.)

6) Сорокина С.А. Мужские и женские табу у народов Сибири // Гендерные различия. Материалы IV межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные отношения в современном российском обществе». – СПб.: Алетейя, 2005. – с.235-257. (0,3 п.л.)

27.04.2005. ООО «Издательство «ХАМЕЛЕОН». Тир. 100. Зак. 36.

Р - 9 2 3 3

РНБ Русский фонд

2006-4

7213